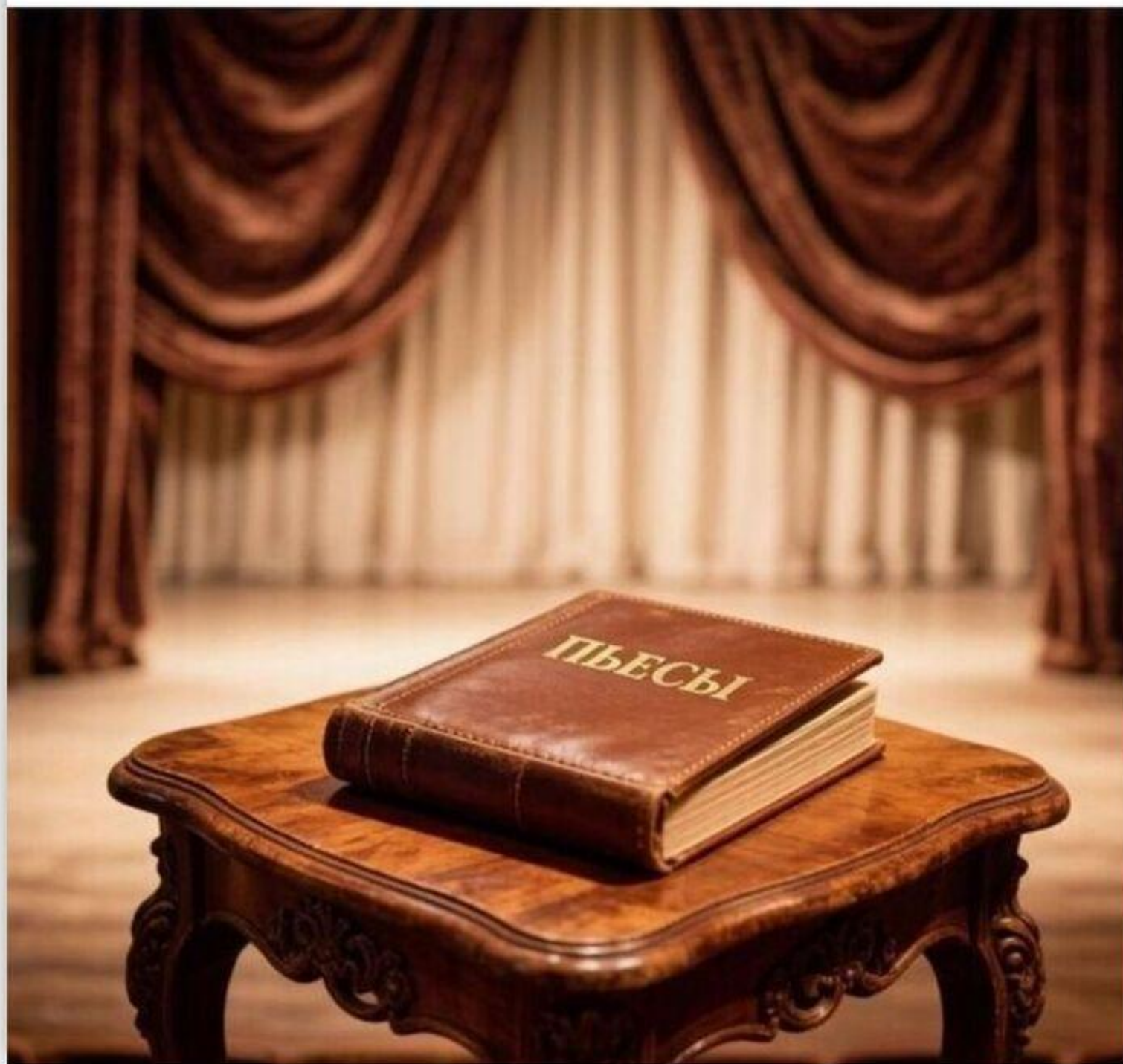

18+

Александр Марацуцов

Театральные диалоги

Александр Марацуцов

Театральные диалоги

«Издательские решения»

Марацуцов А. Н.

Театральные диалоги / А. Н. Марацуцов — «Издательские решения»,

Перед вами пятая книга Александра Марацуцова. В предыдущих книгах он выступал как лирический поэт и баснописец. В этой книге представлены его драматические произведения в прозе и стихах.

Содержание

Смерть актёра	6
Действующие лица	7
Действие первое	8
Действие второе	12
Действие третье	16
Действие четвертое	21
Действие пятое	29
Живая вода	32
Часть первая	33
Сцена первая	34
Сцена вторая	38
Сцена третья	39
Сцена четвертая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Театральные диалоги

Александр Николаевич Марацуцов

Оформление обложки и иллюстрации ИИ Гига чат

Иллюстрации ИИ Гига чат

© Александр Николаевич Марацуцов, 2026

ISBN 978-5-0070-9010-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерть актёра

Действующие лица

Актёр — старик. Высок, волосы гривой, халат золотой, усики черные. В первых действиях при смерти, не выходит.

Доктор — полон, невысок, без возраста. Поклонник Матильды.

Просто актёры:

Басов — мал ростом, злоречив, беспокоен, влюблен в Матильду.

Матильда — не молода, высокая, седая. Серьги, ожерелье, кольца, — все дорого, со вкусом.

Зоя — домоправительница Актёра. Серьёзна, верна, уверена в его гениальности, презирает остальных. Матильду не любит.

Сомов — лет 60, молодится, умён, острит, влюблен в Веру, пьет.

Вера (Вероника) — лет 40, спокойна, полновата, разведена с Марсовым.

Марсов — за 60, тип героя-любовника, шатен, надменен, и тут же улыбчив по обстоятельствам. Носит светлый костюм.

Действие первое

Гостиная. Высокая, темная комната с мебелью под старину: весы напольные с амурами, кресла, столик, огромный темный буфет. Матильда, Басов, Сомов.

Все в креслах кроме Марсова и доктора. Зоя в углу перебирает лекарства на буфете.

Матильда:

— Рано, рано...

Басов:

— Ну, да! Ста лет еще не стукнуло, — *хмыкает*.

Матильда *спокойно:*

— Будет тебе. По шесть выходов, премьеру под него Несветаев делать хотел — Наполеон на Елене.

Сомов смеётся.

Матильда *холодно:*

— Пьян?

Сомов:

— А как же? Уходит талант! Поминать и начал. Не знаешь, зачем я-то приглашен? Может, на память часы отдаст? Давно заглядываюсь!

Зоя *зло:*

— Хоронят уже, — *гремит стеклом*.

Сомов:

— Надо добро хоть подарком оставить. Старик при жизни им не разбрасывался. А почему? Это ж недорого: того продвинул, за этого шепнул. Говорят, и давали — не брал, — *задумывается*.

Зоя:

— При жизни-то!

Сомов *спокойно:*

— Жирку накопил... Может, и раздаст. Память там, речи, о Новодевичьем хлопочут... Благородный исход, так сказать...

Басов *громко:*

— Я, когда ему цветы в Кремлевском сделал, о фарфоре намекнул. Вся бригада работала, восемьдесят букетов. Перовские, да!

Матильда, *поморщившись:*

— Перестань!

Вера:

— Перовские?

Басов:

— Ну, да. Перу такое, в Америке. Самолётами возят, недёшево. — *Сомов смеется, достает фляжку, пьет.* — Аншлаг Перовский! Хороший ты бизнес завёл, это — твоё! А вот сцена для тебя неродная.

Басов, вскакивая:

— Ты с народом говоришь!

Сомов, прихлебнув:

— А ты со зрителем. Видел не раз. Видел. Ты — настоящий профи!! Не шутя!

Басов подозрительно:

— Ну...?

Сомов, хлебнув:

— Не сердись. Профи — это класс, это много, много. Ты профи высшего разряда, что там у токаря! Десятый, пусть двадцатый! Но, милый, ты — не артист! Н-да... Работяга высшей квалификации! Признаю: можешь почти всё, но это — как графоман: гладенько, ровненько. Ты даже в тон попадаешь, чудно! Но все же, Басов, ты — кусок текста с мимикой... Не горишь. Вот тот, на лежанке за стеной, он — да! С Даром! Завидую всегда. Неуважительно. Эх, токарь, попроси стакан у Зои, что я один?

Басов, раскачиваясь на каблучках:

— Засудил, да? Зритель Он! Нет, родной! Завистник. Севильского мне не простишь! Может, ты и сыграл бы лучше, но не надежен!

Сомов:

— Ты об этом? — *поднимая фляжку.*

Басов:

— Плевать на стакан. Тут через одного со стаканом репетируют. В ударе, Сомов! Аплодируют!! А не горящий приползает? Все на дублерах! Зритель! На тебя он пришёл, да не в ударе звезда! Театр — служба, долг! Фляжконосец, — *падает в кресло.*

Зоя:

— Может, уснул, а кричите. Дом здесь, а не театр.

Матильда:

— Да, да... Простите, — *плачет.*

Вера:

— Он сказал: уйдёт в полночь. Конверт там, — *плачет.*
Басов бежит за водой к Зое.

Сомов встает, обнимает за плечи Веру:

— Ну, ну...

Та встает и уходит с Матильдой.

Сомов:

— Не случилось режиссёром повелевать, хоть смерть свою поставлю. Павлин! Веру довели.

Басов:

— Любил покойник кружение лиц вокруг тела, так плати хоть! За юбилейный должен. Что там, в конверте, как думаешь? Налей, что ли!

Пьют.

Басов:

— Хотел освистать его в «Лире». Он оскорбил при вручении: народный, да не модный. Старайся, побегай по сериалам, или не приглашают? Смеялся. Сколько я ему бурных аплодисментов заделал?! У моих кисти отваливались, и все — в рассрочку.

Сомов:

— Не ной, им и держался тут, и шайку свою, свистунов, хлопальщиков тебе передал! Кормилец!

Басов грубо:

— Всё-таки зависть!

Сомов смотрит на портьеру перед дверью Артиста:

— Вроде, шторку повело, нет?

Басов:

— Да кому быть? Хозяин, говорят, затих со вчера.

Сомов:

— До вчера... Чем ты живешь, Андрей? Ну, внутри, был у тебя. Книг три шкафа, нечитанных, склеились! Я Аксакова выдернуть не смог. Не рыбак, не природник. Деньги, что ли, на голову перед зеркалом сыплешь? Знал такого. Страшный ты человек, Басов. Цельность твоя страшна. Человек — он ведь не пунктир. Сегодня пьян, завтра на Байкале нерпу спасает. Или в ресторан с чужой женой, а то на чавычу с блесной! Нет там тебя, Андрей, и не будет. Два развода — и один, — *думает, подперев голову.* — И я один.

Басов злорадно:

— Один! Помогла тебе твоя чавыча? А у меня брак, и второй! Пусть не судьба, но были женщины, скажешь, не те?!

Сомов, разливая:

— Не скажу. Фемины роскошные. Я сам чуть со второй не попался. Марго, вторая, ночью ко мне стучалась, минут двадцать. Ума хватило не открывать.

Басов, поперхнувшись:

— Маргарита? К тебе? Кольнуть захотел? Врешь!

Сомов машет рукой:

— Говорю: не открыл, да и после развода... Знаю таких: на тебе споткнулась, сбежала. Все-таки живой муж нужен, а ты... — *машет рукой.* — Но вот я один, упрекать не могу, прости, Андрей! Скручены мысли. Зачем мы здесь? А там проводы, потом неделю всю фальшь

выплевывать. Боятся! Сказать «умер» боятся. Вера... Ушёл. Кто ушёл? Покойник! Куда? Здесь вопрос. О! Штора!

Басов:

— Ясно! Поплыл по коньячку: шторы, чавуча...

Сомов:

— Чавыча!

Басов *тоже машет рукой:*

— Меньше пафоса! Все пришли конверт понюхать, похрустеть завещанием. Сидишь, философ, не уходишь! Хе-хе... О, идут! Эти — точно наследницы.

Действие второе

Одновременно входят женщины и Марсов. Он во фраке и белом шарфе. Ухожен, породист.

Марсов:

— Мои собо... — *смотрит на Зою, та отливает лекарство и исчезает.*

Басов:

— Рано еще. Сказал — в полночь страну осиротит!

Марсов:

— А это как? Кому? Что, прям ровно??

Сомов презрительно:

— Да! Мы вот часы подвели, давай и ты.

Марсов хватается за часы.

Вера краснеет, качает головой на Сомова, тот занят пуговицей.

Марсов:

— Письмо вот... Дёрнули с такого суаре! Приди без фрака — выведут, ладно не выпнут. Я с Ланолинской из «Чайки» и кусок Шекспира на бис, — *Басову:* — Веришь? Хлопали — шампань в бокалах тряслась, — *Сомову:* — Во! Перстень подарили в знак... — *показывает.* — Сам хозяин надел! Тут — бац! Письмо! Не отпускали. Пришлось сказать. Уверяли, чтоб в Новодевичьем. Не сомневались, позвонили этому... Забыл! Ну, в общем, всех тузов оформляет.

Сомов:

— Куда же это оформляет?

Марсов:

Ну, куда... Туда, за оградку, торжественно! Город берет расходы. На Мерсе отправили, утром позвонят. Зоя, есть чего? В нервах весь, да! А что за конверт?

Зоя выносит поднос с графином. Марсов наливает. Косится на Веру:

— Несветаев без Наполеона теперь...

Басов оживленно:

— Интересно... Там он в креслах, под мышьяком, не встает. Старик и взялся. По-моему, двигаться надо и возмущаться, — *кружится,* — громить британцев! Такие монологи!

Марсов сверху вниз:

— Не светит, друг мой, тебе. Несветаев сказал Хрунову: одни звезды будут.

Басов тихо:

— Юпитеры, Марсы... И эта, Питерская-Грозовская!

Марсов, выпивая:

— Громская. Коллег знать бы надо!

Басов:

— Разве все клички ваши запомнишь.

Марсов:

— Не шути, хлоपालыщик!

Басов к Сомову:

— У меня фамилия. У нас в селе всего две их: Басовы да Телегины, но она моя! К моему телу! Гreet. А эти — приемыши, лакеи! Сразу звезды расхватили!

К Марсову:

— Думаешь, не знаю, в чем родился? В какой фамилии пеленки мочил? Мне старик и сказал, когда Вера тебя турнула за Ланолинскую. Старик тебя и обозначил!! Жердяев! Псковского уезда! А Веру — ее в Веронику, конечно! Тьфу! — *без спроса берет фляжку Сомова.* — Ты хоть Сомов?! Может, Ершов?

Сомов серьёзно:

— Сомов, Сомов. Старик говорил: не звучит, мы люди театральные, публичные, вывеска нужна с большой буквы! Предлагал: Сибирский. Иван Сибирский! Отбил... Да. Мы — Курганские, и главное — сомов нет в озере, линь есть, окунь... — *Басову:* — Плесни! Не ссорь-тесь, к плечу плечом гроб понесёте.

Все замолкают. Зоя выходит из-за шторы, смотрят на нее.

Марсов:

— Ну...?

Зоя ненавидяще оглядывает всех:

— Дышит... — *уходит в угол.*

Матильда:

— А ведь сегодня день смерти Сошкина, умер в сорок. Да что ж такое? Сорок! Ему и было сорок. Теперь и мертвому столько. Ох, совпало.

Зоя разбивает стакан.

Басов:

— Одногодки с ним... Наша-то, Полу Ермолова, о нём, как о гении. Глаза закатит, намекает о романе...

Сомов

— Я по приезду видел его в Островском, хотел уехать сразу... Недостижимо! Зачем тогда и школа? Учить! Материал нужен... Но Москва схватила, не убежишь! Ходишь, как в космосе, со всех боков горя

Марсов:

— Кто горит? — *потягивает коньяк, не сводя глаз с Веры.*

Сомов, не глядя, задумчиво:

— Имена...

Марсов:

— Я играл с ним!

Басов:

— Никогда не покраснеет!

Сомов искренне:

— Что ты?!

Марсов, откинувшись, глядя в себя:

— На гастроли взяли, в Ростов, Молчалин заболел, первая большая у меня. Сошкин за Столичной в номере при всех: чуть меня не оттеснил, новобранец! Ржевская не даст соврать!

Басов:

— И тут не краснеет!

Марсов серьёзно и обидчиво:

— Андрей, не нужно. Правду сказал, человек был. Вот за него выпью. Зоя!!! Зое плохо! — *бросается подхватить Зою.* — Вот, вот, сюда. Вера, воды! Как бы она за стариком... того...

Вера уводит Зою.

Матильда Марсову:

— Правда, что Сошкин тебе двушку свою поменял?

Марсов:

— Ну, да! Нас тогда пятеро в полуторке с сёстрами, он заскочил, растрогался. Он так-то, — *подыскивает слова,* — добрый, — *улыбается.* — Говорили: «Играет Сошкин, а вся группа с ложкой». Зал не дышал.

Сомов:

— Правда, что инфаркт старика шарахнул, когда Сошкин его от Чацкого подвинул?

Матильда хрипит, все смотрят на нее.

— Ничего, горло.

Звонок. Заходит доктор:

— Там открыто у вас, — *Матильде целует руку, не отпуская.* — Был с утра. Еще смотрел — странное дело, не должен бы так сдать. — *хмурится.* — Что-то знаем. Но, да: человек из одних поворотов! Вот на Кавказе...

Матильда отнимает руку. Отводит доктора.

Басов:

Чем ни занимаешься, как ни богат, все одно — доктору на поклон: вылечи! Аптеки, как универмаги, полки трещат, кошельки плачут! В связке работают! У меня гипертония старше

этого Айболита. Живёт, родная! Анализов, санаториев, — живет! Ни одного к здоровью не вернули. Вы, говорят, творчески подвержены! Наверное, вы злодеев много играете. А, Сомов?

Сомов:

— А мне на генетику валят, дед бы послушал, резкий был человек, задница не даст соврать.

Марсов:

— Столица! Генетика столичная, это точно! У меня в Питере низкая, без Дербента гибель, ползу по Невскому, в Шереметьево — бац! За полторы сотни. О? Графинчик пуст. Зоя! Эх, забыл.

Зоя выходит в свой угол. Все молчат. Доктор с Матильдой идут к Артисту.

Сомов Марсову:

— Был тогда на прогоне «Горя...», как он, Иван Евграфович?

Марсов значительно:

— Они со Стариком кофе в примерной пили. Старик из Америки привёз, угощал. На втором монологе, смотрю, осел. Подхватили, кровь пошла. Стоцкий за ноги, я под грудь, вынесли к выходу. Скорую ждем, гляжу: моргает. Наклонился. «Сёстры у тебя, как васильки, а я вот один». Глаза у них точно васильковые! Откуда? Я вот с карими. Интересно!

Сомов нетерпеливо:

— Сошкин...

Марсов:

— Сошкин... Умер. Рука упала, левая. И все. Скорая и увезла. Сестра Надька уревелась, мать напугала. Чуть свадьба не расстроилась. Зоя! Зоя!

Все бегут, Зоя сползла вниз, лежит.

Действие третье

В пустую гостиную быстро входит доктор с блоком лекарств:

— Едва нашли! Интересный субъект, — *заходит за штору к Актеру.*

Оттуда выходит Матильда. Зоя, одетая, медленно подходит к углу, сбрасывая пальто на пол.

Зоя:

— Клюква не та. Пойду сделаю морс, морс, — *уходит на кухню.*

Матильда боязливо смотрит на нее.

Трое актёров молча занимают кресла.

Марсов:

— Ночное кафе! Ничего не могут украсть талантливо, только вывеску!

Сомов:

— Уж полночь близится... Что-то нехорошо, — *Матильде:* — Вера там? —

та кивает. — Ну-с, ждать недолго. Чую роялище в кустах. Старик так просто не уйдет. Что мы за народ? Я вот тоже собрался уходить...

Вера, тихо появившись, ахает, Сомов, быстро обернувшись:

— Да нет! Поближе собрался, в деревню. Дачу до ума доведу, и все! Братья, по репетициям!

Басов заинтересованно:

— Красуешься, небось?! Или...

Марсов:

— Словеса, сло-ве-са! Никто, никогда! Статистика. От слав — никто! Мы все — наполеоны! Только вперед! Наркота, родимые! Театр — лодка с наркоманами вдоль берегов со зрителями! И аплодисменты!

Сомов серьёзен:

— А ты не такой... — *замялся.*

Марсов:

— Не дурак, что ли? Не стесняйся! Марсов — простота. Марсов такой-сякой, сякой псковской, — *достает коньяк и стаканчики.* — А я, вот, для всех, вот, по-товарищески.

Сомов смущенно:

— Ты, Паша, прости, заигрался, уж не знаешь, где ты часто, — *все пьют.* — Правда! Идешь по тексту — хлоп! Ты же в гостях за обед благодаришь или любезничаешь на вечеринке — текст шпаришь!! Жуть! Я ведь говорил с психологом одним, сосед по даче. Удивил меня. Знает и говорит: спектакли не пропускает, — к Басову, — тебя в «Саду» сильно хвалил. У меня, толкует, чуть не основной доход от сценических. Есть такие, что сразу к Кашенко с сиреной. Только тренировки помогают на плаву барахтаться!

Басов:

— Тренировки?!

Сомов *оживленно:*

— Теория у него! Актерство — не норма! Это — не норма!

Марсов:

— Я уже — приложение к таблеткам. Лист у зеркала — когда и сколько, — *Басову:* — Верись, я...

Басов:

— Да помолчи! — *Сомову:* — Давай теорию.

Сомов:

— Маски прилипают! Кто чем не доволен в себе: ростом, весом, мастью! Все, буквально все довольны умом! Ну, нет людей сильно умнее их. Мозги крепки, и мысли наши быстры! Что быстрее сломается: топор или комп? А что чинить легче? Это те, другие — дурачки и больные! А мы — сами себе на уме. Ишь ты, на ум все опираются. Это — авторитет! Тонкая машина — тонкая поломка и незаметная. Это ж не ручка у топора сломается, сразу не работает. А тут работает. Но по больному графику уже. Так вот: артист заболевает сразу, при рождении. Из Щукинки, к примеру. Его и учат ненормальности.

Марсов:

— Ненормальные учат?

Басов смеется. Сомов тоже, жмет руку Марсову:

— Ещё прости, — *продолжает.* — Видишь ли, шпионы там, дипломаты агентские, эти рядятся, да не меняются. Задание там, долг по струне. Она и держит. Наша шайка чем живет? Правильно, други! Перевоплощением. А шкуры, куда залазим, разные шкуры! Чем автор талантливее, тем быстрее тебя роль бьет по мозгам. Тонкая машина. Тут царапнешь палец, кривишься не один день. А здесь яд изнутри... А ещё похлопают, успех. Гоняешь в башке, обсасываешь карамельку. Все! Застряло! Заняло место! Я вот трудно заучиваю... Забываю после выхода. Так эскулап говорит: свезло. Отторгает, мол, извилина чуждое. Но рюмку брошу в деревне.

Марсов:

— Никто! Никогда! Меня б давно повезли с мигалкой.

Басов:

— С мигалкой только скоробольных и премьеров. Нас тихо повезут. Это — за оградку с аплодисментами.

Марсов *приносит бутерброды:*

— А мне это не нравится, совсем. Я своим на Псковщине пьяненький похвалялся, мол, под овации закопают. Так бабка из-за стола вышла, кремень такая: «Вас так в пекле встретят, стуча копытами. Думать не моги, щенок такой», — *ест.* — Сейчас, думаю, права. Старики как-то всегда правы. Странно иногда. Вроде, техника, собак клонируем, Луну уже делим. А вот сказала она же: «Легковесен ты, Пашка. Не будет пути к женитьбе». Точно. Ну, и там разные советы были. Все, что отбросил, все к печалям.

Сомов:

— Мы — не отрезанные ломти, те хоть рядом с булкой. Мы — отброшенные! А тут вообще высохли в сухари!

Басов:

— Тонкая организация, ага. Просто истеричность. Обычный Гамлет... Кто? Зачем? Слова! Работа, да, нервная, но народу необходимая. Отдохнуть, хлебнуть культуры! Читать не надо, страницы листать. Сел, кресло мягкое, в буфете заправился. Смотри себе: все хлопают, и ты к ним. Чувство почти партийное. Мы в зале, в зале Театра.

Не в кафешке! Значимость своя растет. Он лечит свои нервы, уставшие от станков, ДПС, соседей, бизнесов разных. Выходит здоровым. Ну, а мы — кто, куда: в палату, к бутылке, психологу. Жертвуем собой. Для народа.

Марсов задумчиво:

— Наверное, поэтому народных и дают.

Сомов смеется и обнимает Марсова, потом Басову:

— Ты, Андрей, о тоге хлопчешь, понимаю. Но поясни. Меценатовых времен лицедей знал свой шесток. Пишет человек иногда на века. Играют веками, сотни играют, и всех эта пьеска кормит, всех прославляет! Но смертен актер, а текст далее живет. Будь благодарен автору, что тебя поднял, зрителю — что денег принёс. Нет, всех растолкал, вот он уже и вещает, и учит, и сам себе верит. Тьфу! И уже депутаты, и уже полки скоро поведут. Лжец не может учить! А мы — лжецы! Иначе не сыграть!!

Марсов спокойно, останавливая Басова:

— Это понятно, заврались. Но бабы в основном. Чуть Клеопатру освоят, не подойди, так и помрут Клеопатрой. Здесь совсем тонкая... в смысле в голове.

Басов горячо:

— Плохо, плохо говоришь! Всех в мешок! Лицедеи! Шесток какой-то! Что шесток? Где он? Марсов! Где шесток? А, тоже не в курсе?! А на Меценатов плевал, они теперь за автографом лезут, а не мы в приёмные. Артист важен! Я столько дешевок сыграл, но как! Рыдали на плече авторы, себя не узнавали. Тебе не дали народного, психуешь.

Сомов устало машет рукой:

— Сошкина два раза оттирали, слышал.

Марсов:

— Ой, ладно. Он даже смеялся, говорил: «За меня касса голосует!», — *задумчиво:* — И не пил вот, хм...

Сомов:

— Аверкиев уверял, что он пьесу писал, горячо так писал, ночами, похудел. Аверкий в соседях жил, читал ему, до слёз.

Марсов:

— Это тот, которому Старик жилье в Крыму выбил? Говоришь, добро не делал!

Сомов *хмуро:*

— Я и сейчас удивляюсь.

Матильда, *бледнея:*

— Паша, дай воды, духота...

Марсов, *подав стакан:*

— Ну, по мне — сквозняк, вон штора...

Сомов:

— Штора...

Басов, *все еще сердито:*

— А вот Старик написал! И какую! Сам же там лесника играл! Артист написал!

Сомов:

— Да, не сходится ни пьеса, ни Аверкий, все не его, да и материал откуда? Лес, посёлок, девичья любовь, рыбалка там...

Басов:

— Зависть... сыграть, да, а вещь построить! Четыре сезона! И твой Саныч в ней хорош! Молодцом, объективно.

Матильда отходит к Зое, шепчутся.

Сомов:

— Драма добрая, люди хорошие, нет, не он!

Марсов:

— Купил, может. Расслоение сейчас, талант сидит в Кержаче каком-нибудь, бедствует. Письмо авторитету: продаю самое дорогое за двадцать пятьсот, отказные у нотариуса. У Ланолинской модистка кинулась сценарии лепить, вроде «Одеть богему», но в основном раздевает — материалу накоплено ого-го! Ну, и шантажирует помаленьку. Бросила мелки с сантиметром, и у Ланолинской уже дачу торгует! Я ей сказал: убьют тебя герои твои. Смеется. Коньяк разбавили, злодеи!

Басов:

— А чего двадцать пятьсот?

Марсов *пожимает плечами:*

— Всплыло. Часы покупал эти вот, двадцать пятьсот.

Сомов:

— Ведь он ни глагола, ни статейки более не обронил. Это — другая рука. Горячая, жизнь любит и знает.

Басов:

— Без пяти уже... Часы уже рычать начали.

Сомова передернуло, идет к часам. Доктор бежит почти, рядом Зоя:
— Зоенька, не ошибись! Мне бы нужно... да министр на проводе, — *убегает.*

Сомов:

— А ведь Старик не был на похоронах Сошкина?

Марсов:

— Странно, конечно, а ведь почти дружили. Гримерку-то его занял. Историческая! Титаны сцены! Но поехал сразу домохозяйку предупредить, там распорядиться, потом по властям. Он хорошо помог. Не пошёл, думаю, из-за Аверкия. Когда прощались, громко они препирались у входа. Мимо проходил, слышал. Аверкий ему: не обеднеешь, змей! Ну, старикан обидчив, и ушёл сразу.

Бьют часы, гаснет свет.

Действие четвертое

Трое в креслах. Марсов встает и уходит.

Басов:

— Я боюсь к Старику идти. Загляни, Вань?

Сомов:

— Да ну тебя! Программа «Время» прошла, и помер если, стране некому объявить. Бабы вернутся с больницы, тогда... Они знают, и мертвых не боятся. Хлопочут: обмыть там... У Толстого есть где-то... да, мы трусоваты: «Вы, мужики, как дети!». Наверное...

Как мыслишь? Хлебнула яду Зоя? Или все Вера выбила? Да кто свет погасил? Сплелось!

Басов *вяжко поводит плечами:*

— Быстро все. Тень шуршит где-то рядом, Вера кричит, Матильда лежит, прям финал, и темнота, как занавес.

Сомов:

— Вроде, ходит в спальне...

Басов *напряженно:*

— Ты как к шторе прицепился, так и пугаешь себя, теперь меня. Чем доктор Старика-то пользовал, что Зоя, отравиться решила? Кстати, зачем?

Сомов *мрачно:*

— Теория у меня давно зреет, Андрей. Криминальная такая теорийка. Ты был в гримерке его? — *кивает на спальню.* — Меня, когда залило, перебросили к Старику, он в Нью-Йорке мастер-классы давал. Приехал, чуть весь театр не уволил! Меня полгода видеть не мог, шипел все. Чуть я к Бокину не ушёл.

Басов:

— Шарлатан!

Сомов *мрачно:*

— Да нет! Ищет гениальность в себе. Они, режиссеры, приболевшие поболее нас, игрунов. Переставляют пешки на сцене, тоже наполеоны. Тоже дети. Ищут черную кошку гениальности. А ее нет в постановщиках, нет в игрунах. Все мы — комментаторы авторов. Это, если повезет. Гений — всегда творец, и только творец. Он — дерево, самовыросшее, живородящее, стоит в золотых плодах... А мы бегаем. Собираем, подрезаем, а то и выкорчевываем. Стыдоба. На даче сад у меня будет!

Басов:

— Вишневый? Ты как вышел из гримерки, пути не видно. Давай ближе.

Заходит Марсов с коньяком.

Сомов:

— Эх, вовремя!

Басов:

— А сыр?

Марсов достает сырки и шоколадки.

Басов:

— Бабская закусь, — *разливает.* — Иван о криминале толкует, на гримерке Старика споткнулся.

Марсов:

— Я был не раз. Душно и с духами тяжкими, все стены в жильцах бывших. Старик запи-
рал сам, но ключик был у меня, в буфете нашёл. Опа! Подошел. Но гешефт свой был, экскурсии
тайно устраивал для театралов, особо заболевших. Так головы у многих кружились от одних
портретов. До слёз! Хорошо платили. А если за столиком фото...

Сомов:

— А ведь Он убил бы тебя!

Марсов спокойно:

— Убил бы.

Сомов:

— Сошкин висел? Портрет?

Марсов:

— Не заме... ой, нет его!

Сомов:

— А должен, должен висеть!

Басов:

— Что ты сказать не решаешься? На вот, опрокинь и поделись.

Марсов:

— Я давно вижу: все хмуришься на Старика, чего-то подводишь, стреляй уж. Сегодня
ничему не удивлюсь. В кафе вон второй флакон Дагестана в подарок дали. Тысячный ночной
выпивоха я. Ничего не выигрывал никогда! — *читает:* — «Багратион». Богатыри — не мы!
Ослабели. Но герой на бутылке коробит. Извини, генерал!

Наливает.

Сомов, решившись, встает. Пройдя комнату, садится:

— Думаю, Сошкин убит. Старик мог убить и хотел убить. И убил.

Марсов печально смотрит:

— Надо бросать, Ванечка!

Басов, не поднимая головы:

— Кофе?

Сомов кивает:

— Потом к нему. Знал, где Иван Евграфович рукопись держал. Думаю, читал. Взял рукопись, и помог. Помог.

Басов:

— Там ему, Сошкину, на гастролях в Европах графиня, из наших, часы подарила. Расстрогалась, фабержевские. Искали. С концом. Коли Старик-то взял, жаден был.

Марсов *ошеломленно:*

— Если для моего розыгрыша, завязывайте. Он, может, сейчас отходит. Розыгрыши у них, да серьёзно так, фуф!

Сомов:

— Чацкого дали Сошкину, Старика отгёрли, на репетициях мест не было, народный точно его, старая гвардия млела. Ржевская об ордене толковала, он же о театре на родине мечтал. Ну, чтобы создать, построить, руководить и жить, жить у Себя. Мечта! Легко нёс талант свой, хотел до родины донести.

Марсов:

— Да, да. Ржевская точно вспомнила, часто повторял: в столице, мол, взял школу, загрузился, чем мог, надо и родине долг отдать. Стоп! Стоп! А вы не шутите!!!

Басов *смотрит в себя:*

— Пили с ветеранами в «Славянском», я с краюшку на подхвате, заказ там поторопить... «автографов» оттереть. Сошкин всегда символично рюмку столичной за весь вечер. Слышу, старик горячится. Встал, лицо свекольное, И Евграфычу чуть не криком: не пинай профессию! Какая Греция?! Кто это слышал? Слёзы — значит, дошел до точки искренности. А ты...

Ну, усадили, пьют. Потом Ягодов старший пояснил: формула у древних греков была, ну, понятия Театра древнего: если слёзы у героя натуральные, забросать камнями. Вроде непрофессионально, — *усмехается*. — Старик-то наш не то, что слёзы, он в «Лире» рыдал, там министр в ложе, говорят, сразу в госпремию его. Шкоду взял. Этот может. Памятлив.

Сомов:

— Про слёзы читал у него...

Марсов:

— У кого?

Сомов *нехотя:*

— Иван Евграфович писал в письмах, о рыбалке тоже.

Басов:

— Какая еще рыбалка? Где ты письма достал? Марсов! Ты всю свою подарочную выдул?

Марсов *меланхолично:*

— А толку? Ни в одном глазу с вашими криминалами. Глаз дергается. Интриги — одно, на то и театр. Наигрались в злодеев. Но убить? Не преступил бы. И что за письма, а?

Сомов:

— Я, когда с Бокиным не сговорился, пошёл в «Купеческий».

Марсов кивает:

— Знаю, уха хороша.

Басов:

— Не перебивай, ухоед!

Сомов:

— Сижу, графинчик... Подходит Стоцкий. «Садись, хмур чего?». А он: «Если Бокин возьмет тебя, и меня притяни. Сил нет! За доску бронзовую голосовали, Сошкину. Старик всех нагнул, мол, и так рядами висят, и не народный, и почти ушёл в свою Сибирь. Многих обидел».

Тут серьёзно меня вдарило, конечно, и свое жгло. Ржевская адресок дала пенат Евграфыча. Приехал. Как родного встречали, отогрелся, чуть не женили. Не вру. Писал Сошкин тётке своей, от нее полчердака тряпья. Но письма любовно в коробке. Набор «Красная Москва» от него же. Ночь читал, в поезде перечитывал. Вот сердце. И рыбак, как я. И обороты такие, свои. Щёлкнуло! Знакомое в строчках. Я к пьеске Старика — он!

Марсов:

— Кто? Помедли, как телеграф!

Басов:

— Это уже — улика. Письма где?

Сомов:

— Отдал, редактирует, — *смущенно*. — Поклонница, человек журнальный, говорит: материал хорош.

Марсов:

— Да кто он-то? Кто — улика?

Тихо заходит Старик. Полу халат с кистями, мягкие домашние брюки, белая рубашка. Лицо сухое, усики тёмные, парик почти натурален. Старик держится прямо. В руке пистолет. Садится к столику напротив всех.

Старик Сомову:

— Знал, что копаешь. О письмах предполагал, руки не дошли. Думал: коньяк да дача не отпустят. Знать, не одному мне за оградку. Или после финала в крематорий бросят? Устал, хотел тихо порешить себя. Не дал, уцепился Сомов. Проглотить решил. Ну, значит, вместе. Тихо сидим. Буду думать.

Сомов:

— Зою ты послал с ядом?

Старик морищится:

— Сама, дура, надумала. Для себя готовил. Знала, где стоит, все уговаривала. Трясёт от излияний, чудится один театр! Везде! Сны! Были сны, а теперь — ряды, кресла. Сейчас сам с револьвером. Убить тебя хочу. Дожил.

Сомов:

— Не впервой. У меня компания хорошая — Сошкин. Или еще кого-то в антракт вечный отправил?

Старик:

— В маньяки меня норовишь. Прыток. Сошкин... Сошкин — принцип, — *Марсову и Басову*: — К буфету подвинулись, — *Басову*: — Не бледней, вы останетесь... играть.

Басов зло:

— Это от волнения, всегда у меня.

Старик:

Точно. Ты когда деньги пересчитывал, всегда бледнел, хе-хе, — *Марсову*: — Там вторая дверца над тобой, достань Наполеона, и мне плесни.

Марсов хлопочет, наливает всем, вид ошеломленный и вопросительный, смотрит на Сомова.

Старик, пригубив, серьезно Сомову:

— Сошкин... Этот колхозник, — *Сомов дёргается*. — Колхозник, колхозник! Полез, как бык, к алтарю полез. Теоретик! Ты, пока в сыщики не кинулся, был Нашим. Сомов, Сомов! Ты всегда был в нашем строю, ты вырос в столичного артиста! Мы приняли тебя, у нас ты. К Бокину ли, даже к Грайкину уйди, а все белкой в общем колесе. Говорят: корпоративный дух, цех! Профсоюза не хватает. Нет, брат Иван! Мы поглубже, мы из тех корней, по которым кровушка московская бежит издревле.

Узел жизни — Театр! Клуб великий. Вот Английский клуб был. Решали много, серьезно промеж картами и биллиардом. Тоже узел. Мы — притяжение, роскошь чувств, флирта, романов великих людей, скала культуры! Да сотни пьес не зажглись бы, когда б авторы не пьянели в театрах. Сомов! Ноблес! Положение обязывало быть настоящим. Мы многое можем и всегда могли. В кремле Жители менялись! Но все шли к нам: премьеры, короли... Ложи царские.

Спроси понаехавших, что вцепились в столицу? «Ну, тут театры», — все скажут. Сами раз в десять лет, когда родня тюменская в гостях, билеты купят. Властям кланяемся, есть такое, поклон все любят. Да, пожалуйста, артист спиною гибок, от Мольера и королей пошло. Любезнейшая публика! — *кривляется*. — Она и прославит нас, и к нам же за автографами, с поклоном. Колесо, Сомов! У властей вечеринка — где Марсов, где Сомов? Скажешь, не ходил? Мольеры ходили и нам завещали.

Сомов:

— Мольер — писатель, мы — его роли, и ты — его роль.

Старик:

— Врешь! Он — Артист! Он сам — театр! Артист с даром писания. Иначе его и не прочтешь правильно. Тем и велик, что писал, уже видя каждого в ролях. Вот это и есть великие пьесы. Все остальное — литература, пусть гениальная, но не наша, не театральная.

Сомов иронично:

— «Годунов», например.

Старик, горячась:

— И «Годунов», да. И «Годунов»!! Не умаляю. Но тут форма для шедевра взята сценическая. Ее и читать можно с восторгом. Но восторг общий, словесный. Строчка сама горит!

А есть наши, родовые! Островский один, а Чехов? Жил среди нас. Для нас жили, писали. Ценили.

Сошкин! Я на юбилее Ягодова речь говорил. Великий артист сам является соавтором: раскрывает, обостряет. Хорошая была речь. Ягодов прослезился. Мастодронт, а заплакал. Там и я тоже... Искренним был, нашу, Сомов, профессию возвышал! А когда по столикам расползлись, Сошкин и ляпни нам, нам в лицо. Мол, надо честь и место знать актерству, о нас то есть. Сила в слове, толковал. Артисту к автору жаться и не затенять. Видите ли, можем идею испортить, а то и подменить. Чеховым тыкал: комедию написал, а корифеи — в драму... и пошёл: «В тогах шагнули в город, гордецы, сцена выше кресел, куражитесь, букетов с перстнями ждете, но чтоб без помидоров! Острил. Говорил: галерка выше вас. Счастье — когда есть, кого любить, а вы все обожания требуете от народа. Сами его знать не хотите».

Демагог. Для кого из кожи выпрыгиваем? Вам, говорит, экран вечность подарил, вот и пузыритесь. Нажал кнопку, хлоп! Пошла опять гениальность. Его прямо трясло от «гениальности». Но так и говорят: «золотой фонд»! А? Что? Повыбрасывать все пластинки с Карузо, Собиновым? Куда он вел? Болен, да, болен! А нас осмеивал: «Служите в театре! В окопах отстреливаетесь. Чужое подняли, уже убитое. Ушла империя, и служба с ней ушла. Работайте, и с шестка не свалитесь».

Марсов:

— Шесток таинственный... — *пьет.*

Басов:

— Не Сошкин трясся, тебя трясло. Зависть трясла. Пока Евграфыч играл, тебе вату подкладывали — худел. А как спровадил мэтра, пополнел, хоть в Фальстафы. — *Сомову:* — Это перед тобой монологи оправдательные! Ружье еще бы вынес!

Марсов *меланхолично:*

— Чеховское?

Старик *грозно:*

— Молчать, остроумец! Вероника умолила тебя не трогать. Играл бы трактористов на Брянщине своей!

Марсов *тихо:*

— Мы пскопские...

Старик *презрительно машет на него, и к Сомову:*

— Тебя, умник, после скандала в кабаке лично из черного списка вычеркнул, поручился перед комитетом.

Сомов:

— О! Слышал, да не верилось. Есть, говорят, судилище тайное, людей, как карты перебирают, и отбрасывают, тоже, как бумажки. Не удивлен, что и вы там. Рука не устала пистолетик держать? Не убегу, интересно.

Старик, успокаиваясь, дирижирует пистолетом. Басов не сводит глаз, усмехается.

Старик:

— «Интересно»! Сомов ты Сомов, глупый Сомов. Тебя великое к груди прижало, не оценил. Интересно ему. Пойми, Иван: тексты — дело библиотечное, для немногих. Себе не ври — кто хоть с книгой? Ладно — купил. Пусть — прочёл... Но понять, Ваня, не всем дается. Мы и есть — переводчики на зрительский язык. Человек — зритель, не читатель. Ковыряйся в буквах. Философий напустят, умничать любят. Затуманят человека, а он хороший, он уставший, Вань, а то и совсем с высшим образованием, как я, например, или вон они, — машет пистолетом на Басова, тот следит за рукой, — а понять красоты хочется, но попроще. Проводник к красоте нужен, Ваня, авторитетный, заслуженный, чтоб зритель поверил.

Сомов:

— Как ты?!

Старик:

— Как мы! Сошкин... Сошкин многих заразить бы мог. Там зритель, и он — народ. Народ и судья. Артиста судить будет Сомов!!! Зритель за своего парня Артиста держать будет. С усмешкой смотрит на шутов!

Сомов:

— Мы от них — как Дарвин от обезьян. Других предков и нет. А вам, после народного, хоть ключ на зад вешай!

Марсов:

— «Ключи на зад» ... все умничают!

Старик:

— О! Слышал! Переводить им, пояснять про камергеров. И — да! Из героев, из площадных. Но вышли, вырвались, и теперь свою дворянство у нас. Зря насмешничаешь, своё. Ты портрет Демидова помнишь? Среди горшков цветочных Рюрикович стоит. В третьем-то, внучатом поколении из холстинки, в сараях смеялись над бродячими шутами. С ними и поднялись. В таких же портретах висим теперь!

Сомов:

— В бронзе хочешь повиснуть на стене? На место Сошкина? И по смерти раздавить норовишь? Огорчу: скульптор Хлебников, которому поторопились аванс дать, Ивана Евграфыча не переплавил. Стоит бюст, смотрит на меня, когда навещал днями раньше. А тебе теперь стенка театральная не светит, Ваше Сиятельство, или как вас — Князь Театральный??

Старик убеждающе:

— Не ёрничай, это все в сараях осталось. Ты посмотри на этих победителей советской власти: первым делом кошелёк, а потом как на титулы кинулись, толстуху эту выписали полу Романову, устала грамоты баронские им писать. И все, все! Уже ты и министр, и генерал, главразведчик — мало! Хочу быть царицей морскою! Чуют, где мундир настоящий, с веков. Новодел и хорош, да запах не тот. Поближе к вечности захотели. Нет дворянина у фамилии, хоть купец. Нет его — хоть в казаки или в татары, лучше в киргизы, они там все чингизхановских кровей. И нам свое нужно, Сомов. В артисты пошёл, столица дала добро. Пиши отказную от своей Челябинской деревни.

Сомов:

— С Курганской я, Ваша милость, двести лет стоит.

Басов:

— А я на трёхсотлетие был у своих, там бревна чёрные уже, а греют, и крепкие.

Старик:

— Зря тянул вас, колхозники!

Басов *встает, потягивается:*

— Ну, финал! Больно вы, князь, легко пистолетом машете. Антураж, фальшивка. Вспомнил: на столике видел палехском.

Заходят Вера с Матильдой, обе вскрикивают. Старик роняет оружие, хватается за сердце, падает. Марсов с Басовым усаживают его в кресло. Вера вбегает с таблеткой. Матильда опирается на буфет.

Действие пятое

Все молча сидят. Сомов держит руку Веры. Марсов грызет ногти. Басов со стаканом возле Матильды. Появляется доктор:

— Всё, едут. Через полчаса заберут.

Матильда валится на Басова. Доктор отдает конверт Вере. Та, отшатнувшись, кивает Сомову.

Доктор:

— Шкатулка в головах, я не трогал.

Сомов Марсову:

— Принеси.

Марсов *вздыхает, приносит шкатулку:*

— Я там лицо прикрыл накидушкой со столика. Он с языком прикушенным, жутковато.

Матильда стонет, Вера кусает губы.

Сомов *сердито, всем:*

— Нам до чужих бы разобраться, да подумать, что из дома не выносить. Вере с этим жить, да и мы увязли. Договориться сильно нужно! Значит, тромб, доктор? — *тот кивает, с Марсовым пьют.* — Ну-с, главное — без криминала. О Сошкине я молчу. — *смотрит на Веру, та кивает сквозь слёзы.* — Паша, дай ножик, тот, у сыра.

Разрезает конверт:

— Почерк, хоть на выставку, бумага, как шёлк. Князя... — *Вере:* — все, все, не буду. *Достает очки.*

Басов:

— Да, ну!

Сомов *кивает и начинает:*

— Так: Я такой-то, заслуже... народ... ясно. А, вот! Последняя воля.

Признаю Веронику своей дочерью, оставляя имущество полностью. А фарфор — в Русский музей, если откажут — в музей театра. Туда же коллекцию программ и автографов, и моих костюмов. Лечившему меня доктору машину марки Шкода и гараж.

Все смотрят на доктора, тот ошеломленно благодарит:

— Ни сном, ни духом, Верочка...

Та пытается успокоить его.

Сомов:

— Басову, моему коллеге, малый конверт с долгом и ружье 18 века, предположительно Островского.

Все смотрят на Басова.

Басов:

— Нет слов, благородно...

Сомов:

— Матильде, верному другу, мои картины за жертву.

Та плачет.

Звонок. Доктор бежит к телефону.

Сомов:

— Подпись, народный и т. д.

Отдает малый конверт Басову, тот хочет пересчитать. На него смотрят, он смущенно прячет в карман:

— Там в спальне два Айвазовских доказанных, поберечь надо.

Вера:

— Я тут не смогу...

Сомов быстро:

— Конечно, конечно, дачу довести до ума, буквально чуть!

Вера Марсову:

— Павел, ты бы взял чего на память.

Марсов:

— Иван о часах вздыхал, так теперь и...

Сомов, вставши, ему:

— Бери, Паша. Возьми, да они... как вспомнишь...

Марсов, ободряясь:

— Спасибо, люди добрые! Там даже место придумал, мы...

Осекается. Вера отворачивается. Марсов с серьёзным видом жмёт руку Сомову.

Матильда:

— Я уезжаю. Прямо сейчас. В Карловых квартира. Заявление вчера положила, — *Басову:*
— Вызови такси!

Он выходит. Матильда ищет, находит листок, смотрит на Веру.

Входит доктор:

— Зоя, тромб.

Все молчат. Басов входит.

Матильда:

— Сама... Какой тромб?

Басов:

— Через пять минут будет.

Матильда, решившись:

— Вера, прочти, как уеду. И прости, или не прощай.

Уходит. Басов за ней. Шум машины.

Марсов:

И чего там, Вера?

Та читает, Сомов подхватывает ее, Вера плачет. Сомов поднимает записку, смотрит на Марсова.

Марсов:

— Что ты? Белый вон, совсем мел мелом.

Сомов:

— Жизнь это, Паша. И Большой, и Малый, и Академический! Вера — дочь Матильды и Сошкина!

Марсов:

— Бразилия!

Сомов:

— Рома нет?

Живая вода

Старый дачный дом сталинского академика.

Геннадий — внук академика, неудачливый **писатель**, пробуящий себя в жанре детектива. За 40, живет на продаже унаследованных вещей деда и коллекционных монет отца.

Жена — Александра, давно перешла от равнодушия к презрению и начинает ненавидеть мужа. Мечта жизни — Крит, где отдыхала каждый год, но уже второй сезон от безденежья пропадает.

Дочь Тася — замужем по расчету.

Муж — карьерист в МИДе, **Иван**. Оба облизываются на дачу.

Вера ведет всю его переписку и перепечатку. Она его однокурсница и внучка лучшего друга деда. Она влюблена в Геннадия всю жизнь, о чем он не догадывается, в отличие от жены. Вера разведена, живет рядом, работает в Москве. Она — хозяйка оружейного магазина и мастер по стрельбе.

Любовник Веры — **генерал тайных дел**, карьерист, человек более коммерческий, чем военный. Умен, даже не зол, но все портит цинизм, искренний и давний. Хочет жениться на Вере. Кошатник страстный.

Бывший любовник Веры, теперь друг — **старый профессор** психологии, вдовец, воюющий с детьми. Всегда где-то рядом с нею.

Домработница с дочерью — **Нонна с Далей**. Убирают у всех по дням. Нонна молчалива и решительна. Знает о всех всё и всё хранит. Одинока. Пресекает дочь в разговорах. Та необразованна и любопытна. Дружит с шофёром — охранником генерала **Раулем**.

Рауль — шофер и охранник генерала, влюблен в Дालю с серьёзными намерениями. Гордится дедом — героем, испанцем. Рисует акварелью.

Жена генерала — приезжает за деньгами и поскандальить.

Дочь генерала Аня — умна, иронична, дипломница худ. института. Приезжает с подругой на пленэры и с **Жорой**, сыном олигарха. Их брак — мечта родителей.

Жора — скрытен, спокоен, вежлив. Жертва острот подружек.

Фёдор — бывший вахтёр этого закрытого поселка. Попивает. Мечта: жениться на Нонне, с которой прижил дочь, но дочь об этом не знает. Грибник, рассказчик, вдовец. Дочь родная, законная, живет в Москве, замужем. У него дом, последний от деревни, застроенной дачами. В доме дед, глубоко за сто, и снимающий угол **художник Павел (Пабло)**.

Часть первая

Сцена первая

Дом писателя.

Писатель *вскрикивает:*

— Убит! Иностранцем, агентом, — *быстро пишет.*

Входит жена в спортивном костюме.

Жена:

— Молча писать можно? Кот упал с холодильника.

Писатель:

— У него подушка жировая. Да и что ему на холодильнике делать? Я сегодня мыша видел.

Жена, вздрагивая:

— Ой! Где?

Писатель:

— В спальне...

Жена:

— Нарочно ты? Да?

Писатель, посмеиваясь:

— Пусть ловит...

Жена:

— Ловит... Тут многие мышей не ловят. И почему мыша, а не мышь?

Писатель:

— Повадки. Чувствуется самец. Резок в движении. Смел.

Жена:

— И как жить? Отвлекись! — *тот машет рукой.* — Да, да, твори давай. Сожрут мыши рукопись! Я в магазин, мышеловку брать. — *тот машет, она, уходя:* — На Крите нет ни мышей, ни мышов. — *в сторону:* — И тебя...

Уходит.

Заходит Нонна с дочерью и ведрами:

— Доброго вечера!

Писатель раздраженно:

— Ах, не вовремя! — *убегает с рукописью.*

Дочь:

— С приветом!

Нонна строго:

— Замолчи! С веранды начинай, живей! — *та уходит.*

Голос в прихожей:

— Хозяева! Чего открыто всё? А, Нонна, привет!

Заходит профессор:

— Думал, ты у меня сегодня. Ушел, чтоб не мешать. — *Нонна вытирает диван, профессор садится.* — Мои на меня в суд подали. Делиться. Думаю, скоро киллера наймут. Претенденты...

Нонна:

— Отдай всё да живи в охотку. По шести комнатам не устал ходить?

Профессор:

— Принцип, Нонночка, не дам втоптать!

Нонна:

— Себя топчешь, старый! Слов напридумывают и маршируют под них, грамотеи. Принципы! Как же! Гордыню холите! Уели друг друга — подвиньтесь.

Профессор:

— А где творческий?

Нонна:

— Убежал от тряпки наверх, пишет. Повеселел. Получается, видать.

Профессор:

— Вот они, Нонночка, и тешат себя. Назовутся писателями и маршируют — герои печатного листа. Всю коллекцию распродал, не знаешь? — *та качает головою.*

Входит жена с покупкой. Нонна удаляется.

Профессор:

— В суд подали, знаешь?

Жена Писателя:

— Здравствуйте! Да, знаю.

Профессор:

— И что — засудят единокровные?

Жена:

— Есть шанс.

Профессор:

— О! И это — адвокат мой!

Жена:

— Юрист. На полставки. Долг отдайте. Мне надо.

Профессор:

— Отдам. За аренду привезут, и отдам.

Жена:

— Мириться нужно. Жадны вы, профессор.

Профессор:

— Подождать не могут, стервятники! Давление вот...

Жена уходит. Профессор дремлет. Нонна входит. Рёв кота, крики женский и мужской. Нонна роняет тряпку.

Профессор, вскакивая:

— Что, что?

Входит Писатель:

— Кот в мышеловку попал. На сыр с ноготь польстился, дегенерат! Поперек себя шире, дармоед!

Профессор:

— Может, он на мышь кинулся, ну, когда приблизилась, так сказать, в азарте.

Писатель:

— Один у него азарт: сожрать, что кладут, и украсть, что не дадут. Я его в детективе выведу и в пятой главе утоплю, скотину!

Генерал входит с Верой:

— Кого это утопишь?

Писатель:

— Кота...

Вера смотрит пристально.

Генерал горячо:

— Котов топить — горе нажить. Тебя слушать страшно. Возьму от вас. Кс, кс, — *уходит в комнаты.*

Вера:

— Закончил четвертую?

Писатель протягивает:

— Знаешь, по-моему, хорошо...

Вера:

— Глаз горит? Пошло?

Писатель:

— Пошло, кажется.

Входит жена:

— Скрылся! С мышеловкой сбежал! Привет!

Вера кивает:

— Пойду, завтра стреляем. Кубок. Рано ехать.
Уходит.

Жена:

— Нонна, ты закончила?

Уходит. Муж идет наверх. Профессор спит.

Сцена вторая

Беседка у поселка — общее место гуляний. Рауль и Даля.

Рауль *протягивает картину:*

— Вот.

Даля:

— Что это?

Рауль:

— Дома откроете. Выходной? Генерал уехал?

Даля:

— Спит, в три ночи вернулись.

Рауль:

— Я с каким-то лохматым тебя видел.

Даля:

— Художник, чудик. У Фёдора снимает. Просил моделью, в кредит.

Рауль:

— Что?

Даля:

— Рисовать будет, а продаст — со мной расчёт! С весны в шлепанцах ходит

Рауль:

— Я поговорю с ним. Айвазовский! — *звонит генерал.* — Есть! — *Дале:* — Бегу!
Проснулся, чтоб...

Сцена третья

Там же. Тася, Иван. Садятся.

Тася:

— Говори! Точно?

Иван:

— Завтра утвердят. И Лондон ждет! Тася, решай с писателем! Мой подпишет, и тогда задаток...

Тася:

— Поторопился домик обещать, Ванечка. Ладно, ладно. Думаем. Матери звякнула, она... А! Идёт.

Жена Писателя (мать Таси): *подходит, сжав губы, недовольна:*

— Что у вас, интриганы? Кота не видели?

Тася:

— Ма, какой кот? Ваня в Англию утверждён!

Мать, оживляясь:

— Меня сразу выпишете!

Иван:

— Шеф мой домом вашим болен с новогодних. Я обещал.

Теща угрюмо:

— Тогда тебе — Сомали, зятёк, а мне — вечная деревня с дурачком деревенским. Я здесь каждое утро старею безвозвратно. У всех шансы, лотереи... А мне? Монеты украсть? Цен не знаю.

Иван:

— Я прошу очень. Скандал в родне — конец карьере! Мне уехать надо! Надо! — *кусает губу. Стоит.*

Тася:

— Ма! Задумка есть... — *уходят. Слышится:* — Редактор...

Сцена четвертая

Там же. Фёдор расстилает газету, разливает. Появляется профессор.

Фёдор:

— Вы, господин профессор? — *довольным тоном:* — Работает Сибирь!

Профессор садится:

— Какая Сибирь?

Фёдор:

— Закон тайги: у костра раскинул ужин на двоих, кто-нибудь и выйдет! Будешь?

Профессор:

— Свой? — *тот кивает, выпивают, жуют.* — А у меня, Фёдор, полу родственники замок хотели менять, собака отбила, вот сосисок несу, — *достаёт, оба едят сосиски.* — Отбила, да. Они взятку ей бросали — куриную ногу.

Фёдор:

— Скажете! Все куры колотые, химические — для дикого роста. Гормоны! С Одинцова мужик оперный переел кур-то, титьки выросли, и с баса на тенор пересел. Драма. Правда, платить стали жирнее, арий для теноров поболе.

Профессор:

— По законам психологии должны меня, Федя, однофамильцы в ликвид пустить. Буду отказную в случае трагичного конца писать, на фонд какой-нибудь. Пусть судятся до инфаркта. Знаешь фонд приличный? — *выпивают и едят сосиски.*

Фёдор:

— Нонна ходит к престарелым, за реку. Дом солидный. Но беден, директора ищут. Он на кашках инвалидных усадьбу в Европах оформил. Любому рублю рады. Нонне даю с халтурки. Замок сломали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.